

На правах рукописи

Паймина Ольга Сергеевна

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРОИЦКОГО СБОРНИКА XII–XIII ВВ.

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань – 2012

Работа выполнена на кафедре истории русского языка и славянского языкознания федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Жолобов Олег Феофанович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, доцент
Николаева Наталия Геннадьевна

кандидат филологических наук, доцент
Маркова Татьяна Дамировна

Ведущая организация: Ижевский государственный технический университет

Защита состоится 22 марта 2012 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.05 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: г. Казань, ул. Татарстан, 2, ауд. 207.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Автореферат разослан «___» февраля 2012 года.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Т.Ю. Виноградова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена многоаспектному лингвистическому изучению Троицкого сборника XII–XIII вв.

Актуальность работы обусловлена необходимостью комплексного исследования¹ древнерусских рукописей церковно-книжного содержания², так как в них представлены наиболее популярные в Древней Руси произведения, имеющие генетическую соотнесенность с памятниками южнославянской письменности, по которым можно проследить динамику и направление языкового и текстологического развития. Период XII–XIII вв. занимает особое положение в изучении истории русского языка, так как является эпохой формирования древнерусского литературного языка, а также временем коренной перестройки фонологической системы и развития новых тенденций в грамматике. Со второй половины XII в. начинают активно развиваться региональные центры книгописания, и только благодаря сохранившимся славяно-книжным источникам становится возможным исследование региональных разновидностей древнерусского языка, например, в Галицко-Волынских и Ростово-Суздальских землях. Таким образом, письменные памятники религиозного содержания являются ценнейшим источником восточнославянских инноваций в области фонетики, лексики, грамматики и исторической диалектологии, дополняющим существующие данные по истории «живого» русского языка и русского литературного языка периода, предшествовавшего времени создания исследуемого памятника или синхронного с ним. В этой связи многоаспектное исследование малоизученной рукописи Троицкого сборника XII–XIII вв. оказывается весьма актуальным.

Основным материалом исследования является рукопись Троицкого сборника XII–XIII вв., объем которой составляет 202 л.

Рукопись хранится в Российской государственной библиотеке в фонде 304.I из собрания Троице-Сергиевой Лавры (РГБ, Тр. 12). Работа над диссертацией велась по цифровым фотоснимкам, представленным на сайте Свято-Троицкой Сергиевой Лавры³, так как единственное полное издание сборника, осуществленное в 1988 г. в «Полате књигописьной»⁴, не отражает ряд очевидных и значимых графико-орфографических особенностей: прежде всего наличие аллографов. Однако материалы издания привлекались нами для сличения спорных или сомнительных написаний и форм. Кроме того, в процессе работы нами использовались материалы электронного ресурса

---

¹ Основы комплексного подхода к изучению древних рукописей были заложены во второй половине XIX в. И.И. Срезневским (см.: Срезневский И.И. Мысли оъ исторіи русскаго языка и ддругихъ славянскихъ нарѣчій. – СПб., 1887. – С. 98).

² Необходимость разностороннего изучения памятников религиозного содержания подчеркивают многие современные исследователи: В.М. Марков, В.В. Колесов, В.Б. Крысько, В.А. Баранов и др.

³ СбТр XII/XIII – Троицкий сборник XII–XIII вв. (РГБ, Тр. 12), 202 л. URL: <http://www.stsl.ru/manuscripts/book.php?manuscript=12&col=> (дата обращения: 10.10.2011).

⁴ Полата књигописьная 1988 – Полата књигописьная. The Troickij sbornik (Cod. Moskva, GBL, F. 304 (Troice-Sergieva Lavra) № 12): Text in transcription / J. Popovski, F.J. Thomson, W.R. Veder. – 1988. – № 21–22. – 202 p.

«София Тронхайм»⁵ и портала «Манускрипт»⁶ для уточнения степени влияния Пандектов Антиоха XI в. (ГИМ, Воскр. 30) на Пролог Антиоха в Троицком сборнике XII–XIII вв.

Объектом исследования является рукопись Троицкого сборника XII–XIII вв. как лингвистический источник.

Предмет исследования – лингвотекстологические, палеографические, графико-орфографические, фонетические, морфологические и некоторые морфосинтаксические особенности Троицкого сборника XII–XIII вв.

Цель диссертационного исследования состоит в описании и изучении палеографических, лингвотекстологических и собственно языковых особенностей Троицкого сборника XII–XIII вв. для выявления своеобразия данного памятника, уточнения его датировки и территориально-диалектной принадлежности.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд исследовательских **задач**:

- 1) проанализировать структурно-содержательные особенности сборника;
- 2) провести расширенное палеографическое описание рукописи;
- 3) исследовать графико-орфографическую систему сборника, учитывая особенности и причины употребления и распределения графем и аллографов в дублетных звеньях;
- 4) описать и изучить фонетическую систему памятника для определения соотношения южнославянских, восточнославянских и собственно древнерусских рефлексов в рукописи, отражения в памятнике процессов, характерных для периода рубежа веков, в том числе связанных с падением редуцированных;
- 5) рассмотреть морфологическую систему рукописи для выявления архаичных старославянских и инновационных восточнославянских и/или собственно древнерусских форм в области имени и глагола⁷.

Методология исследования обусловлена поставленными целью и задачами и включает:

описательный метод, позволяющий максимально полно охарактеризовать палеографические и собственно лингвистические особенности исследуемой рукописи;

синхронно-диахронный метод, делающий возможным включение полученных данных в контекст тенденций развития древнерусского языка;

---

⁵ ПА XI – Пандекты Антиоха XI в. (ГИМ, Воскр. 30), 309 л. URL: <http://www.hf.ntnu.no/SofiaTrondheimCorpus/index2.html> (дата обращения: 10.10.2011).

⁶ ПА – Пандекты черноризца Антиоха, XI в. (ГИМ, Воскр. 30), 309 л. URL: <http://www.manuscripts.ru>. Доступ после подписания пользовательского соглашения (дата обращения: 10.10.2011).

⁷ Под восточнославянскими или древнерусскими языковыми формами мы понимаем те черты, которые свойственны памятникам различной стилистической принадлежности, как церковно-книжным, так и деловым, тогда как собственно древнерусские формы предполагают изначальную принадлежность исключительно живой языковой стихии, для которой характерны γ из $*tj$ и $*gti$, $*kt$ перед гласными переднего ряда, полногласия, начальные $ro-/lo-$, начальное $o-$, формы $tok\text{'}k$, $so\text{'}k\text{'}k$ в Д–МП, формы на $-ша$ во 2 л. ед.ч. наст. вр. и нек. др.

метод анализа неустойчивых начерков графем⁸, способствующий уточнению датировки рукописи, установлению и уточнению границ почерков;

элементы сравнительно-исторического метода, позволяющего проводить анализ исследуемой рукописи с предполагаемым антиграфом, а также на фоне других древнерусских источников для выявления фонетических и грамматических инноваций и диалектизмов;

элементы статистического и структурного методов, а также «сплошной выборки с наглядным представлением данных в виде гистограмм»⁹, помогающих зафиксировать количество анализируемых форм и продемонстрировать их качественное распределение в рукописи для выявления основных графико-орфографических, фонетических и морфологических особенностей рукописи и для установления границ почерков в изучаемом памятнике.

Научная новизна данной работы заключается в том, что рукопись Троицкого сборника XII–XIII вв. впервые становится объектом разностороннего, многоаспектного изучения, на основании которого получены аргументированные выводы о территориально-диалектной принадлежности данного письменного памятника.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно вводит новый палеографический и языковой материал, который дополняет существующие палеографические и лингвистические данные и способствует расширению представлений исследователей о развитии древнерусского языка; включает недатированную и нелокализованную рукопись в более точный историко-лингвистический контекст.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты могут использоваться в общих курсах по истории русского языка – исторической грамматике русского языка и истории русского литературного языка, а также в спецкурсах по палеографии, истории русской графики и орфографии. Кроме того, в ходе исследования нами были уточнены архивные данные о неизданных работах В.М. Ундольского, связанных с изучением Троицкого сборника, выявлены и отмечены некоторые неточности и ошибки в публикации рукописи.

Соответствие содержания диссертации паспорту специальности. Диссертационное исследование соответствует паспорту специальности 10.02.01 – русский язык.

Основные положения, выносимые на защиту:

---

⁸Зализняк А.А. О понятии графемы // «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию / А.А. Зализняк. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С. 559–576; Миронова Т.Л. Хронология старославянских и древнерусских рукописных книг X–XI вв. – М.: Русская книга, 2001. – 416 с; Тихомиров Н.Б. Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI–XII вв., хранящихся в отделе рукописей государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Часть III, дополнительная (XII и кон. XII – нач. XIII вв.) // Записки отдела рукописей. – М.: Книга, 1968. – Вып. 30. – С. 93–98, 125–137.

⁹Москалева Л.А. О возможностях применения статистического метода в характеристике рукописных источников // Информационные технологии и письменное наследие: Материалы междунар. науч. конф (Уфа, 28–31 октября 2010 г.) / Отв. ред. В.А. Баранов. – Уфа, Ижевск, 2010. – С. 151.

1. Троицкий сборник XII–XIII вв. содержит наиболее популярные в Древней Руси произведения церковно-книжного характера, и его языковой материал может рассматриваться в системе антиграф↔апограф как звено, наиболее наглядно демонстрирующее изменения, происходившие в древнерусском языке с XI по XIII столетия.

2. Палеографический материал рукописи обнаруживает ранее не зафиксированный исследователями начерк графемы ѡ с правой йотацией – ѡ – юс малый йотированный оборотный, который в ряду графических противопоставлений в дублетных звеньях может рассматриваться как аллограф графемы ѡ. Аллограф «юс малый йотированный оборотный» является логическим звеном, заполнившим существовавшую лакуну в системе графических вариантов йотированных букв с правой йотацией: ѡ – ѡ – ѡ – ѡ.

3. Троицкий сборник XII–XIII вв. на основании анализа палеографических, графико-орфографических, фонетических и морфологических данных может быть датирован концом XII в.

4. Палеографические, графико-орфографические, фонетические, морфологические и лексические особенности рукописи позволяют локализовать ее как памятник письменности северо-восточного, ростовского, происхождения.

5. Троицкий сборник, являясь памятником древнерусского литературного языка, содержит собственно древнерусские языковые черты на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях.

6. Рукопись демонстрирует сосуществование нескольких графико-орфографических систем, отражающих правописную практику различных писцов, принимавших участие в ее создании, среди которых могли быть выходцы с южных территорий и, соответственно, носители южнорусского диалекта.

7. Дистрибуция южнославянских и восточнославянских рефлексов для каждой группы праславянских сочетаний в Троицком сборнике характеризуется выбором одной из рефлексаций, тогда как употребление второй носит либо спорадический характер, либо определяется лексико-грамматической закрепленностью формы.

8. В рукописи представлено значительное число примеров сохранения редуцированных как в сильной, так и в слабой позиции, при этом случаи вокализации сильных редуцированных немногочисленны, что может быть обусловлено, с одной стороны, книжным характером памятника, а с другой стороны, древностью самой рукописи. В процесс взаимной мены ѡ–ѡ и ѡ–ѡ оказываются включены не только исконные редуцированные, но и вставочные гласные.

9. Рукопись отражает развитие процесса фонологических изменений в системе древнерусского языка, начавшихся еще в предшествующий период, что проявляется в случаях перехода ѡ в ѡ и ѡ в ѡ.

10. На морфологическом уровне сборник демонстрирует сосуществование архаичных, традиционных и новых грамматических форм, при этом соотношение архаичных и традиционных форм оказывается неодинаковым для разных частей речи. Собственно древнерусские морфологические формы представлены единичными примерами.

11. Орфографии и языковому строю Троицкого сборника на всех рассмотренных уровнях присуща вариативность, однако количественно-статистический вес каждого из вариантов в варьирующихся звеньях существенно различается.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования прошли апробацию на 10 научных и научно-практических конференциях, в том числе 8 международных: 1) Международная научная конференция «Языковая семантика и образ мира» (Казань, КГУ, 20–22 мая 2008 г.); 2) Международная научная конференция «Современные информационные технологии и письменное наследие: от древних текстов к электронным библиотекам» (Казань, 26–30 августа 2008 г.); 3) Итоговая научная конференция профессорско-преподавательского состава, аспирантов, соискателей и студентов филологического факультета Казанского государственного университета (Казань, КГУ, 5 февраля 2009 г.); 4) IV Международные Бодуэновские чтения (Казань, КГУ, 25–28 сентября 2009 г.); 5) Международная научная конференция «Слово и текст: коммуникативный, лингвокультурный и исторический аспекты» (Ростов-на-Дону, 1–4 октября 2009 г.); 6) IX ежегодная научно-практическая конференция «Богословие и светские науки: традиционные и новые взаимосвязи» (Казань, КазДС, 5–6 ноября 2009 г.); 7) XXXIX Международная филологическая конференция (Санкт-Петербург, СПбГУ, факультет филологии и искусств, 15–20 марта 2010 г.); 8) XVII Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2010» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 12–15 апреля 2010 г.); 9) Международная научная конференция «Современная славистика и научное наследие С.Б. Бернштейна» (Москва, Российская Академия Наук, Институт славяноведения, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 15–17 марта 2011 г.); 10) XL Международная филологическая конференция (Санкт-Петербург, СПбГУ, филологический факультет, 14–19 марта 2011 г.).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографии и приложений.

Работа выполнена при поддержке Минобрнауки РФ, ГК № 02.740.11.0595.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается обоснование выбора темы работы, ее актуальности и новизны, определяются объект и предмет исследования, ставятся цели и

задачи, исходя из которых формируется методология исследования; перечисляются основные положения, выносимые на защиту, указывается теоретическая и практическая значимость проведенного исследования и полученных результатов.

Основная часть диссертационного исследования состоит из пяти глав.

В первой главе «Общая характеристика рукописи Троицкого сборника XII–XIII вв. (РГБ, Тр. 12)» рассматриваются вопросы, связанные с историей открытия, изучения и издания Троицкого сборника, анализируются его структурные, содержательные и жанрово-стилистические особенности, особое внимание уделяется гипотезе о древнейшей паре антиграф–апограф, которой предположительно являются Пандекты Антиоха XI в. и Пролог Антиоха в Троицком сборнике XII–XIII вв.

Троицкий сборник XII–XIII вв. был обнаружен в библиотеке Троице-Сергиевой Лавры в ноябре 1840 г. В.М. Ундольским¹⁰, однако широким научным кругам данный сборник стал известен только после публикации письма В.М. Ундольского в 1848 г.¹¹ Длительное время этот письменный памятник рассматривался прежде всего как источник для сопоставления различных редакций наиболее популярных и значимых в Древней Руси произведений. Лингвистические основы изучения рукописи Тр. 12 были заложены И.И. Срезневским, но только со второй половины 60-х гг. XX в. Троицкий сборник начинает достаточно активно привлекаться в качестве источника иллюстративного материала при составлении «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.» и изучении грамматики древнерусского языка. Издание рукописи в 1988 г. способствовало росту интереса исследователей к данному памятнику. В 70–80-е гг. XX в. выдвигаются две гипотезы о диалектной принадлежности Троицкого сборника, согласно которым он может являться памятником письменности Северо-Восточной Руси (именно – Ростова Великого)¹² или Киевской (Южной) Руси¹³.

С 1840-х гг. было предложено несколько датировок рукописи: XII в.¹⁴, конец XII – начало XIII в.¹⁵, начало XIII в.¹⁶, XIII в. (рукописные работы Ундольского 40-х гг. XIX в.¹⁷).

---

¹⁰ См.: Ундольский В.М. Объ изданіи твореній Климента Епископа Словенска // РГБ. Ф. 704. К-1. Ед. хр. 6. – 1845. – Л. 2 об.

¹¹ См.: Бодянский О.М. Славянорусскія сочиненія въ пергаменномъ сборникѣ И.Н. Царскаго. Предисловіе // ЧОИДР. – 1848. – № 7. – II. Материалы отечественные. – С. VIII–X.

¹² Князевская О.А. Об одной графической особенности ростовских рукописей начала XIII века // Русское и славянское языкознание: к 70-летию члена-корреспондента АН СССР Р.И. Аванесова. – М.: Наука, 1972. – С. 129.

¹³ Полата књигописная. Р. II.

¹⁴ Письмо Ундольского см.: Бодянский. Указ. соч. С. VIII. Срезневский И.И. Древніе памятники русскаго письма и языка (X–XIV вв.): Общее повременное обозреніе съ палеографическими указаниями и выписками изъ подлинниковъ и изъ древнихъ списковъ. – СПб, 1863. – С. 199; Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках // Записки императ. АН. – СПб, 1873. – Т. XXII. – Кн. 1. – Приложение № 3. – С. 196.

¹⁵ Описание Славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергіевой лавры // ЧОИДР. – М., 1878. – Апрель-Июнь. – Кн. 2. – Отдѣлъ III. – С. 19; Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.: Введение, инструкция, список источников, пробные статьи / Под ред. Р.И. Аванесова. – М.: Наука, 1966. – С. 163; Тихомиров. Указ. соч. С. 93; Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. – М.: Наука, 1984. – С. 178; Полата књигописная. Р. II.

Исследуемый памятник представляет собой сборник слов и поучений Иоанна Златоуста, Климента Смоленского, Ефрема Сирина, Антиоха черноризца и мн. др., чьи произведения фигурируют в различных сборниках древнерусской письменности начиная с XI в. В сохранившихся заголовках Троицкого сборника зафиксированы различные номинации «жанровой» характеристики произведений: «слово», «заповедание», «поучение», «повесть», «откровение», «сказание», «написание» и нек. др. Значительную часть рукописи занимает Пролог Антиоха (лл. 64–157 об.), что позволяет выделить в ней три основных части: I. лл. 1–64, II. лл. 64–157 об., III. лл. 158–202 об.

В первой части рукописи употребляется лексика древнерусского происхождения (паколока, коунах и посадиннах: *ходншн кх паколоцѣ н кх коунахъ* 15 об., *не рыцн мн ѡко коларннх ѡсма лн посадиннахъ* 15 об. и др.), в том числе, имеющая отношение к языческим верованиям или т.н. двоеверию (того онн ксе когѣ прозвѣша. <...> *троицѣна хърса келеса пероуна* 30; *рекше по роусалнѣхъ* 58 об.). Кроме того, в первой части сборника отмечено слово *кѣкѣша*, получившее наибольшее распространение в северных древнерусских диалектах и заимствованное предположительно из финно-угорских языков¹⁸: *нна кѣдовнѣа. кх кѣунганн помннакмаѣа. ннѣасѣе нного нмоушн. тѣчю дѣѣ кѣкѣш(ю. н) кѣкарѣшн кх с(к)екофѣлакнѣ* 3. Слово *посадиннахъ* также имеет северную диалектную приуроченность, однако может встречаться и в памятниках южнорусского происхождения.

В 80-е гг. XX в. издатели Троицкого сборника вводят в научный оборот понятие древнейшей в славянской письменности пары антиграф–апограф. Иной порядок подачи глав Пандектов Антиоха XI в. в Прологе Антиоха, утраты листов в обеих рукописях¹⁹, в том числе с заголовками, осложняют установление или проверку соответствия глав апографа главам антиграфа. В Троицком сборнике нашло отражение около 50 Слов из Пандектов. Вместе с тем, Пролог и Пандекты демонстрируют вариативность, вызванную объективными и субъективными факторами, возникающими в процессе бытования и переписывания текстов. Все отличия в сравниваемой паре можно выделить в следующие группы:

1) графико-орфографическая вариативность, обусловленная:

- а) различиями орфографической нормы в XI в. и на рубеже XII–XIII вв. (*даждѣ* мн *крѣма* СбТр XII/XIII, 127 – *дажда* мн *крѣма* ПА XI, 164d);

¹⁶ Князевская. Указ. соч. С. 129.

¹⁷ Ундольский В.М. Описание рукописей, содержащих Творения Климента Словенского [1840-е гг.] // РГБ. Ф. 704. К-1. Ед. хр. 3. – Л. 4; Указ. выше соч. Л. 2 об.

¹⁸ См.: Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков: Историко-диалектологический очерк. – Изд. 2-е, стереотип. – М.: КомКнига, 2006. – С. 560–561, 588; СДРЯ XI–XIV вв.: В 10 т. – 1989. – Т. 2. – С. 294.

¹⁹ В апографе утрачены листы между лл. 68 и 69, 73 и 74, 111 и 112, 115 и 116, 146 и 147, а в антиграфе – между лл. 67–68, 164–165. В результате, у трех Слов в Прологе не сохранилось заголовков, а два Слова не имеют соответствующих заголовков в антиграфе.

б) ошибочными написаниями в антиграфе или апографе (**ТЕЛЕСАНННА** глѣмъ кѣ|тн кннгъ СбТр XII/XIII, 64 – **УЕЛЕ|СНННА** глѣмъ кѣ|тн кннгъ ПА XI, 7а; сн пѣтъ • пнѣ кѣтъ **УРѢКОМЪ** СбТр XII/XIII, 66 – сн пѣтъ:| пнѣ есѣтъ **УРѢ|МЪ** ПА XI, 19а и нек. др.);

в) наличием диалектных особенностей в антиграфе или апографе (**КОТОРЖИ** люко оудъ СбТр XII/XIII, 65 об. – **КОТЕРЖИ** люко оудъ ПА, 18b);

г) графико-орфографическими установками писцов или влиянием другого антиграфа (**АЛАДНЖ** СбТр XII/XIII, 68 – **АЛАДНЖ** ПА, 20.2; **ОУТРА|НЮЖ** теплоу СбТр XII/XIII, 112 – **ИТРА|НЖЖ** теплоѣ ПА XI, 222с; **КА|СЛАПЛАЕТА** СбТр XII/XIII, 66 – **КА|СЛАПЛАЕТА** ПА XI, 19а; **ТАЛА** СбТр XII/XIII, 69 об. – **ТАЛА** ПА, 29.1; **ХОТА** СбТр XII/XIII, 67 об., 14 и не поравляѣтѣ СбТр XII/XIII, 67 об., 17 – **ХОТА** и не поравляѣтѣ сѣ ПА XI, 20с);

2) фонетическая вариативность (**УСТОУПН|ТА** ѿ тебе СбТр XII/XIII, 74 – **ОСТАПН|ТА** отъ тебе ПА XI, 63а; ѿ дрѣвѣннѣхъ •| людахъ СбТр XII/XIII, 148 об. – о дрѣвѣннѣхъ люде|хъ ПА XI, 17а; **ПРАЗДНОУЮЩА** СбТр XII/XIII, 152 об. – **ПРАЗДНОУЮШТА** ПА, 43.1 и др.);

3) словообразовательная вариативность (**О БЛАГОРѢУНИ** СбТр XII/XIII, 141 об. – **О БЛАГОРѢУН|БѢСТЕѢ** ПА XI, 131с; **КНИПНИЦА** ѿбнищѣ СбТр XII/XIII, 148 – **ПНИЦА|** обнищѣ ПА XI, 16с и нек. др.);

4) лексическая вариативность, проявляющаяся:

а) в замене лексемы в апографе (**УАТО ТЕ|БѢ** н намъ оутоужене ѿ **ГА** СбТр XII/XIII, 80 – **УАТО| ТЕБѢ** н намъ оу|тоуждене отъ **БА** ПА XI, 67с);

б) в пропуске лексемы или словосочетания в апографе (**ѾПЩРЕНУЮ** н **ГНАСНКОУЮ** **НАШЮ** **КЖЮ** СбТр XII/XIII, 125 об. – **ОПЩРЕНЖЖ** н **ГНѢСНЖЖ** н **СКЕРАННЖЖ|** **НАШЖ** **КЖЖ** ПА XI, 162с; **ДАЖА** мн **БРЕМА** **ПОКАЯННЮ** СбТр XII/XIII, 127 – **ДАЖА|** мн **БРЕМА** **ПОКА|АННЖ** • **МѢСТО** **КѢ|ШТАННЖ** ПА XI, 164d);

в) в добавлении лексемы или словосочетания в апографе (**ДА** **КОУДѢ|ТА** **У** **УРѢСЛА** каша **ПРЕПО|САНА** СбТр XII/XIII, 67 об. – **ДА** **КОУДОУТА** **УРѢ|СЛА** каша **ПРЕПО|САНА** ПА XI, 20b; н пакѣ **ЗАБЛОУДН|АН** **СОУТА** **ПРЕКЛЩЕНН** **СОУТА** СбТр XII/XIII, 148 об. – Н па^к: **ПРЕ|КЛЩЕНН** **СЖТА** ПА XI, 17b);

5) грамматическая вариативность:

а) в области имени (**НЕ** **МОЗѢМЪ** оуко **ѾУА|НАТН** **СА** **КАЗЛЮБЛЕНН** СбТр XII/XIII, 80 – **НЕ** **МОЗѢМЪ** оуко **ОТЪУА|АТН** **СКЕК** **КАЗЛЮ|БЕНН** ПА XI, 67b; **НОЖИ** **РЕУЕ** СбТр XII/XIII, 148 – **НОЖ** **КО** **РЕУЕ** ПА XI, 16b);

б) в области глагола (**НАЖЕ** **СА|ТКОРНХОМЪ** • **КАЗКРАЩАЮЩЕСА** **КА** **БѢУ** н **ГЛЩЕ** •| **САГРѢШНХОМЪ** **ОЦѢ|СТН** • **БЕЗАКОНОКАХО|МЪ** **ѾСЛАВН** СбТр XII/XIII, 127 – **НАЖЕ** **СТКОРНХОМЪ** • **КАЗКРА|ШТАНШТЕ** **СА** **КѢ|** **БѢУ** н **ГЛШТЕ** • **СА|ГРѢШНМЪ** **ОЦѢ|СТН** • **БЕЗАКОНА|НКАХОМЪ** **ОСЛАВН** ПА XI, 164с; **НАКО** **БЕЗАКОННА** **МО|А** **ПРЕКЖ|ЗНДОША** **ГЛАКОУ** **МОЮ** СбТр XII/XIII, 127 – **НАКО** **БЕЗАКОНА|А** **МОА** **ПРЕКЖ|ЗНДОУ** **ГЛАКОУ|**

мѡѣ ПА XI, 164d; кѣдоуѣца жн ꙗ оумрѣ СбТр XII/XIII, 149 – кѣдоуѣца| жнѣа оумрѣ ПА XI, 17с).

Лексический состав первой части рукописи демонстрирует примеры древнерусских лексических инноваций, в том числе севернорусского диалектного происхождения, что позволяет говорить о восточнославянском переводе или происхождении частей некоторых текстов, вошедших в сборник. Наличие вариативности в Прологе Антиоха и Пандектах Антиоха XI в. может быть обусловлено различными причинами, в том числе сознательными изменениями и исправлениями, вносившимися писцами, и существованием еще одного антиграфа.

Вторая глава «Палеографическое описание рукописи» посвящена анализу палеографических особенностей сборника, а также рассмотрению ряда несобственно палеографических данных, связанных с вопросами бытования рукописи.

Текст в Троицком сборнике написан на пергамене уставом в один столбец. Количество строк на листе колеблется от 20 до 24. Плохая сохранность памятника, отсутствие значительного количества листов внутри затрудняют его палеографическое и лингвистическое изучение. По всей видимости, именно это обстоятельство явилось причиной того, что длительное время рукопись не имела устойчивого научного названия и полного издания. В Троице-Сергиеву Лавру сборник попал предположительно в XVII в. из библиотеки Кирилло-Белоозерского монастыря, что может считаться косвенным доказательством того, что исследуемый памятник письменности был создан и бытовал на севере Руси.

Анализ палеографических и графико-орфографических данных рукописи позволяет сделать следующие выводы:

1) Троицкий сборник был создан в конце XII в., что подтверждается характером начерков графем с изменчивыми начертаниями, существенно отличающимися от начерков графем датированных памятников начала XIII в., наличием в составе рукописи архаичных графем ѡ, ѡѣ и ѡѣ, в том числе юса малого йотированного оборотного – ѡ, и большим процентом написаний приставки-предлога «от» в строке (около 35%).

2) На основании графической манеры оформления текста на листе в рукописи можно выделить две части: часть I – лл. 1–64 (предположительно до строки 16 включительно или до заголовка как более наглядного ориентира), часть II – лл. 64 (со строки 17 или от заголовка) – 202 об.

3) В создании рукописи предположительно принимало участие 10 писцов, 6 из которых были заняты в написании второй части сборника²⁰. Эти две группы писцов отличаются друг от друга:

²⁰ Границы почерков второй части рукописи, выделенные нами на основании палеографического анализа: № 1: 64 об.–67,17; 68,3–70,6; 70 об.–75 об.,12; 79,7–81, 82–86 об.,14; 87 об.–88,9; № 2: 67,17–68,3; 70,7 до конца листа; 75 об.,12–79,6; 81 об., 88,9–110, 111 об., 113,7–118 об. + возможные вкрапления на лл. 130, 137 об., 145; № 3: 110 об.–111, 112–113,7; № 4: 119–170 с возможными вкраплениями почерка № 2; № 5: 170,9–185,14; 197–202 об.; № 6: 185,15–196 об.

а) графической манерой оформления текста: коленчатые инициалы первой части рукописи сменяются плетеными и витыми инициалами второй части; синтагмораздел, примыкающий к предшествующей синтагме в первой части, начинает располагаться между синтагмами; титло-скобка, применявшееся в первой части только над буквенной цифирью, используется во второй части и для сокращенной записи слов;

б) графико-орфографическими принципами:

- в первой части рукописи достаточно последовательно проведена тенденция завершения строки согласным, в том числе с непослоговым построчным переносом слов, что считается характерной чертой ростовских памятников (н|асѣтѣтѣсѣ 5, ѿш|ю 6, цѣк|кн 6 об., не пороуган|ѣ бѣкаше 8, сѣм|артана 8 об., оукр|ашаѣтѣсѣ 11, пос|та 28, дѣл|жано 28 об., еуанг|лїе 36 об. и нек. др. на земл|н 37 об., цѣк|кн 40–40 об., многаш|дѣ 42 об., предѣ цѣк|кн 43 об., к|алогероу 50, испѣл|ннаѣ ксѣма 60; кѣ срѣ|цн 74 об.);

- во второй части сборника представлены южнорусские диалектные написания²¹ корня *skъrb- (скѣ|рѣа 73 об., кѣ|скѣрѣахѣ 74, не ѡскѣрѣ|клян 74, скѣрѣанкоу 75 и др. – всего 21 случай) и *sъs- (сѣсѣтн нмоуѣ ѿ сѣсѣцѣ оутѣшеннѣ кѣа 103 об., кѣа сѣсѣца 108), большая часть из которых (67%) отмечена у писца № 1, являвшегося, вероятно, носителем южнорусского диалекта, так как в его орфографической манере диалектные написания доминируют (14 маркированных и 3 традиционных).

4) Характер инициалов, используемых в рукописи, и локализирующие графико-орфографические особенности Троицкого сборника подтверждают обе гипотезы происхождения исследуемого памятника: северо-восточную, ростовскую, выдвинутую О.А. Князевской²², и южнорусскую, киевскую, предложенную издателями рукописи Троицкого сборника²³.

Мы склоняемся к версии северо-восточного происхождения рукописи, так как в сборнике:

1) в обеих частях встречается особый начерк заглавной буквы к с петлей на спинке вертикальной мачты, который свойствен ряду памятников ростовского происхождения конца XII – начала XIII в.;

2) реализована тенденция непослогового переноса, присущая в большей степени памятникам XII–XIII вв. ростовского происхождения, в том числе ростовскому Житию Нифонта 1222 г.;

3) традиционные написания с корнем *skъrb- на протяжении всей рукописи преобладают и составляют 58,8% (ср. 66% диалектных написаний в южнорусском Успенском сборнике XII–XIII вв.);

4) многие «диалектные» написания могут быть объяснены фонетическими причинами;

²¹ Так, В.В. Колесов орфографическими приметами южнорусских памятников считает написания типа «скъръбъ, скеръбъ, сьсьць, бешью, бехма, котерый». – Колесов В.В. Русская историческая фонология. – СПб.: Фак-т филологии и искусств СПбГУ, 2008. – С. 351.

²² См.: Князевская. Указ. соч. С. 128–129.

²³ Полата кѣнигописьная. Р. II.

5) территория Ростово-Суздальской земли, а позднее Владимиро-Суздальского княжества, находилась в зоне пересечения севера и юга Руси, по этой причине ростово-суздальские говоры могли испытывать влияние и северных, и южных говоров²⁴.

В третьей главе «Графико-орфографические особенности рукописи» основной акцент сделан на анализ дистрибуции графем в дублетных звеньях.

Троицкий сборник является уникальным памятником для периода конца XII – начала XIII в., так как в нем представлены все графемы известные ранней древнерусской письменности, благодаря чему исследуемая рукопись демонстрирует длинную многочленную цепочку графем для обозначения фонемы <u> оу-ѡ-у-ѡ-ѡ-ю и фонемы <a> ѡ-ѡ-ѡ-ѡ. Кроме того, длинные графемные звенья образуют графема о и диграф ук, имеющие аллографы за счет вариаций «он узкого»: о-о/О-о/о и оу-оу/Оу-оу/оу. Первый член каждой цепочки о-о/О-о/о-ѡ и оу-ѡ-оу/Оу-оу/оу является нейтральным и может употребляться в любой позиции в слове или строке. «О очное», в том числе в составе диграфа оу, преимущественно используется писцами второй части рукописи. Употребление аллографов является маркированным: позиция начала слога для аллографов графемы о и позиция начала слога/слова или строки для аллографов диграфа оу (на Одрѣ 1 об., ѡмрачѣна кѣтъ 59 об., ѡ неподѡбѣнѣхъ 60 об., ѡ ѡтагѣхънѣтѣ 77 об.; ѡуко 60 об., ѡудалѣна 62 об., оуготована кѣтъ 63 и др.). Исключений немного: прѡтѣк 63; Ноудѣтъ 11, ѡ ѡудѣбѣхъ 94, ѡуѡѣ 100. Аналогичные инициальные позиции характерны и для второго члена дублетного звена о-ѡ (ѡдрѣ 4, ѡуко/гоѡмоу 16 об., ѡѡнѣа монѣа 115 и др.).

Специфическая функция графемы о узкое – употребление после согласного (на данную позицию приходится около 90%), поэтому использование двух о подряд носит исключительный характер (кз паркoокрa|зномa 184 об.). Обычно в этой позиции писцы употребляют графему ѡ, которая является средством графической диссимилиации (например, кѡ| напрасноѡмоу 22, по ѡбѣщанню 23 об., свѣтълоѡдежанн 115 об., ѡщѡѡмоу 117). В рукописи наблюдается тенденция по пути закрепления за ѡ специализированного употребления в приставке-предлоге «от».

Графема *ou*, являясь немаркированным членом звена, может употребляться в любом положении в строке, слове или слоге (*oumolnta* 1 об., *ou|ta* 31 об., *oumr'k* 202), однако ее главная функция – позиция после согласного, на которую приходится более 84% случаев использования данного диграфа (*koude'ta* 1 об., *zoukom'a* 1 об., *ka odrou* 202, *roukopn'sann'e* 202

²⁴ Ростово-суздальские говоры представляют «собой наиболее южную группу старого севернорусского наречия» и «сближаются кое в чем с наречиями более южными». — Кузнецов П.С. К исторической фонетике ростово-суздальских говоров // Доклады и сообщения ин-та рус. языка. — 1948. — Вып. 2. — С. 130.

об., кѣ другоу 202 об. и мн. др.). Вследствие исправлений, внесенных писцами, диграф ук имеет такие варианты графической передачи, как °у и °у̇ (окѣд°уѣ 52, м°у̇|жю 88 об.). Кроме того, в рукописи зафиксированы первые примеры употребления монографа у на месте диграфа оу (сүтѣ 158).

Лигатура ѝ используется для экономии места в строке в основном в позиции абсолютного конца строки (ѝ|кротнѣсѣ 12, сѝтѣ 104 об., оуѣрѝ|сѣцѣмѣ 202), однако более последовательно и регулярно ее применяют писцы первой части рукописи (около 40% приходится на написания с лигатурой и 58% на написания с диграфом), во второй части рукописи лигатура используется примерно в 11%.

Графема у выступает в качестве позиционного дублета с графемами ю, оу, к, н и является графическим средством обозначения фонем <u>, <v>, <i> и сочетания [ju]: фуннкока жѣзѣ 144 – фуннкокоу 68; ксѣ̇ 107 об. – ксю 6; лукокапросѣ 42 об. – лоуко|капрѣ 45 об.; ѡтѣсѣдоу 163 – ѡтѣ|сѣдоу 120 – отѣсѣдоу 17; еуѣгѣнѣ 33 об. – кѣѣ|нѣгѣнѣ 146; куфосѣ 43 об. – кнфосѣ 42 об.; да коудѝтѣ у чрѣсѣла каша прѣпоѣсѣна 67 об.

Графемы ѡ и ѡѡ в Троицком сборнике употреблены трижды: один случай приходится на изолированную позицию анафорического местоимения (ксю ѡ ѡмѣрѣнѣ 67), два – на позицию после гласного (ѣѣѣѣѡѡ 68, оутѣрѣ|нѣѡѡ 112). Обычно в данных позициях писцы используют графему ю (например, кѣ кѣѣю 50, оутѣрѣнѣю 107), поэтому сохранение в рукописи архаичных графем может объясняться не только влиянием антиграфа (ѡ ѡѡ сѣ ѡѡ ПА, 61.1), но и стремлением к графической диссимилиации (ср. ксю ѡѡ 67, оутѣрѣ|нѣѡѡ 112).

Функционирование членов дублетного звена н–ї/і во многом обусловлено позицией в строке: 64% употреблений ї приходится на позицию абсолютного конца строки); за і закрепляется функция в подтитловом написании имени Иисуса Христа и производных образованиях (о хѣ̇ ісѣ̇ гѣ̇ 28, ісѣ̇ 82 об. и др.; крайне редко: їс 16, їс хѣ̇ 46 об., їсѣ̇ 46 об.). В некоторых случаях использование обеих графем дублетного звена н–ї/і может быть интерпретировано как средство графической диссимилиации: проклѣтнї 2 об., горѣстнї 43 об., н іѡснѣоу 47, кѣ лнтнї 51, прнї|мн 54, кѣскѣдрнѣннї 64 об., тоужнї|хѣ̇ 85 об., нїс 146 и др. Графему ї чаще используют писцы первой части рукописи.

Для обозначения фонемы <e> и фонемы <a> в позиции начала слога, как правило, употребляются графемы ѣ и ѣѣ соответственно (исключения: ѣ в начале слога используется примерно в 6% написаний в данной позиции; ѣ: ѣкоже 6, ѣ|сн 15 об.; сѣрѣнѣѣѣѣѣѣѣѣ 178 об.; ѣ: ѣкн 140; ѣѣѣѣѣѣѣѣ 149 и нек. др.); в позиции после согласного – ѣ и ѣѣ (об исключениях см. ниже).

Наиболее сложные отношения демонстрируют графемы, входящие в состав дублетных звеньев, для обозначения фонем <u>, <e>, <a> после

согласных. Наибольшая степень вариативности присуща орфографической манере писцов второй части рукописи, в том числе благодаря употреблению графемы ѡ и ее аллографа ѡ̑. На протяжении всей рукописи после л и н возможно употребление ѡ–ѡ̑ и ѡ̑–ѡ̑̑, причем в позиции после л наблюдается практически одинаковое распределение графем в дублетном звене. Особое значение имеют написания с йотированными гласными после плавного, появившегося в результате йотовой палатализации губного, так как они могут отражать стремление писцов передать мягкость согласного. Употребление ѡ̑̑ в позиции после сочетания губного с плавным в среднем составляет не менее 69%, с ѡ̑ – около 60%.

Правописание шипящих и ц демонстрирует разную степень общности в распределении графем в дублетных звеньях *оу–у–ю*, *е–е̑*, *я–ѧ–ѧ* в пределах рассматриваемой группы согласных. После шипящих преимущественно употребляются графемы *ю*, *е* и *ѧ*, что соответствует восточнославянским принципам орфографии. Большинство отклонений от данной закономерности приходится на правописную практику писцов второй части рукописи (например, *клѣкѣшоутѧ* 164, *сѣбѣракѣшоу* 119, *моужоу* 71, *ѡмоуоу* 188 об., *блѡудѧнцоу* 196; *ѣжѣ* 78, *оукрашеннѣ* 20, *пооууѣннѣ* 24 об., *поуѣжѣ* 90 об., *множнѣжѣ* 93 об.; *по ѡѣѣннѣ* 23 об., *тѣорѣѧ* 179 об., *покаѣѧ* 196, *клѣѣѧ* 171). В первой части рукописи после *ц* последовательно пишется *ѧ* (исключения: *ѡѣѧ* 2 об., *ѧѣѧ* 38 об.), во второй части – *ѧ* (29), *ѧ* (7) и *ѧ* (112) с преобладанием написаний с *ѧ*.

Анализ случаев употребления в рукописи графем дублетного звена ϕ – ϕ демонстрирует формирование тенденции к предпочтительному использованию графемы ϕ независимо от этимологического согласного в заимствованном слове (ср. $\kappa\alpha$ $\kappa\omicron\rho\iota\nu\phi\iota\kappa$ 164 об. и $\kappa\omicron\rho\iota\nu\phi\iota\kappa\mu\alpha$ 88 из $\kappa\omicron\rho\iota\nu\theta\omicron\varsigma$).

В целом, употребление графических дублетов и аллографов в большинстве случаев обусловлено позицией в строке или слоге, в том числе в целях экономии места в строке (кѢ|злѣжащю 4, мене радї| 8, не ѿ|рнта 21, прнєтѣ|пнше 29, калѣ|герѣ 52 и др.) или создания симметричной границы правого поля (например, в конце строки, но в начале слога: ѿ|нѣ чѣ|а 22, оу|вннстко 23).

В четвертой главе «Фонетические особенности рукописи» основным предметом рассмотрения являются соотношение южнославянских и восточнославянских рефлексов и судьба редуцированных гласных.

В Троицком сборнике отражено традиционное для памятников славяно-книжного стиля распределение восточнославянских и южнославянских рефлексов.

При реализации праславянских сочетаний *tj, *zdj, *zgj, *skj, *stj, *zg и *sk и *gt и *kt перед гласными переднего ряда, консонантных сочетаний с плавными типа *tort, *tolt, *tert, *telt, начальных *ort, *olt и *e в исследуемой

рукописи доминируют южнославянские рефлексy, что является характерной чертой церковно-книжных памятников:

*tj: не обращѣтася 1 об., ѿбращѣше 4, ни трепещѹщаго 63 об., зашнѣаѣмн 81, ѿскѣщаѣтсѧ 99, работающе 99 об., ѿ цюжнхъ 178 об. и др. (исключения: работающе 4, трепещуще 47 об., въстрепещи 59, чюжнхъ 135 об., ѿ чюжнхъ| грѣсѣхъ 193);

*zdj, *zgj, *zg перед гласным переднего ряда: пригбожденъ 7, отъ ѡдѣжденна 64 об., нжденетъ 77 об., желѣзо раждензѧмо 99, въжделѣти 107, ни ѡпоженнѣма 103 и др. (исключения: дѣжебаню моуство 55, въжнзѧктѧ похотѧ 150);

*stj, *skj, *sk перед гласным переднего ряда: бещѧсти 4 об., ѡпоущю 6 об., нѣазаѣктѧ 11, крышахоуѣа 49, драхлѡблѣщѧнъ 68, бещи|нѧноу 71 об., въ|| пощеннхъ 94–94 об., не нѣоу 134 об., щедриѧ 136 об., прѣлѣщенн 148 об., гощеннѣма 178, бещисла 202 и др.;

*gt, *kt перед гласным переднего ряда: помощн 8, Моши 53, некрѣши 103; въ ноши 3 об., рещи 3 об., неѣ|ши 77 об., дѣши 178 об. (исключение: некрѣ|шн 192 об.);

*ort, *olt с интонацией циркумфлекса: рабн 2, творитѧ работоу 51, рабошаа пѧтѧ 102, работантѧ гоу 138 об., рабѣнама 178 об.; анѣамѣ| рабѧно кѣтѧ 108 об., рабѡснѧноу · н рабѧноуѧстанѡу 182; разоуунти 1 об., разоумѧма 13, разнѣтѧсѧ 21, тѣсѧщю лѧхѧтѧ 34 и др. (исключение: на розоумнѣ 40 (возможно, описка вследствие графической антиципации);

*tort, *tolt, *tert, *telt:

1) *неполногласие*: сѧ срамѧнѣтѧ 2 об., праздникѣ 6 об., на сдракнѣ 29, на странѣ 42 об., помраченѣн 43, храмѧ 48 об., нравѣ 54, заградити 193; класѧ 1 об., дланню 6, глакѣ 15 об., клѧта 16, златѡлюбаѣа 56, сладѧкѧ 56, благоспѣ|шнѣ 89, младенѧа 196; прѣдѧстанѣтѧ 1 об., крѣдѧ 4 об., дрѣко 14 об., мрѣжа 16, крѣмена 25, крѣтиши 40 об., чрѣсѧ 66, некрѣши 103; въ плѣнѣннѣ 28 об., да клѣкоутѧ 52 об., млѣко 86 об. и др.;

2) *русифицированное неполногласие*: времена 1, дрекѧма 11, кредѧ 172, прежде времени 190 об., крѣ|тищѧма 191 об., въ чреко 193 об. и др.; въ то же племенѧннѣхъ · н|ноплеменѧннѧ 169 об., сѧклеци 171 и нек. др.; въ клѡтоу 49 (нельзя исключать описку под влиянием гласного в следующем слоге);

исключения: пороздѧнъ 52 об.; въ пакѡлоцѣ 3 об., 11 об., 15 об., перннѧ пакѡлоунтѣхъ 4, въ колѡсти страшѧнъ · а безъ колѡсти тамо| неѡутѣшнѧма 11 об., колѡсти 15 об. (2); ме|режю 16 об.; чѣресѧ данѧ 68;

*e: еднѡго 2, ѡ семѧ еднѡма 60; езеро 35, едка 88 и др. (исключения: ѡдка 13 об., озѣра 16, ѡднѧде 46 об.).

При реализации праславянских сочетаний *dj, *tʔrt, *tʔlt, *tʔrt, *tʔlt, начальных *а, *ју и общеславянских сочетаний губных с йотом преобладают восточнославянские рефлексy:

*dj: дажа 3, троужающннса 60 об., межу 135 об., нероженоу 182, оружнн 201 и мн. др. (исключения: вѣждема 94, вѣждама 94, 136 об., оурожда 101 об., рожденнн 107 об.);

*v, *b, *p, *m + j: вѣгословленнн 2 об., оставла 12 об., оуготоклю 13 об., слакляше 42, нѣкокла 145, трѣзвленннма 148; погоуклаше 28 об., вѣзавленннма 30 об., скаркля 75, прозавла 98; коупла 3, престоплаше 25, нскоупла 200; сзломла 11, земла 84 об., нн вѣздрѣмла 94, посрамла 201 и др. + сочетание фла по аналогии с кла: не вѣзороу лн нѣснфлю 151,8 (ср. носнфю ПА, 41.2) (исключение: сз трѣзвенннма 93 об.);

*tʔrt, *tʔlt, *tʔrt, *tʔlt:

восточнославянские рефлексy: сз скзрню 3, тзртоке 4, гзртана 107, гзрда 172, кзрмнтн 177 об., на тзржннн 178 об.; дзлжннма 3, мзлннн 8 об., пзлнн 135, тзлкоушю 197 об., не оумзаккютъ 199; ддрзновенннма 2 об., пд|рстзма 3 об., ддржащаго б, мдрущю днн 7 об., ѡвдрзетса 79, на ложн сзмдртанѣма 202;

исключения:

1) собственно древнерусские рефлексy или т.н. второе полногласие: не гзрда 56, ннннма кзрмлю 175 об.; безмзавкн|е 41 об., вѣ пзлз|цѣ 49, вѣ пзлзцѣ| 49, тзлзкноукзшю 67 об., да мзлзунта 142 об., обзлзкннса 200 (в данной форме начальный согласный корня выпал в силу фонетических причин); сз ддрз|зновенннма 2, оумдрзщавкю 41 об., несзтард|пнмаго пламене 45 об.; попарзца 51, осквдрз|нннн 60, О вѣздрѣжнннн 65 об., ыдрз|ннца 76 об., нко парзста 199; ѡвдрззла 9 об., вѣскрзса нз мдрзтвзхз 11, мдрзтвз лежа 13, ѡвдрзста 14 об., не| нсполоу во мдрзтва • нз всего ма оумдрша 198, мдрзткору соущю 198 об.;

2) старославянские рефлексy: нспзлнн 41; безмзавкзсткоруан 175; цзрзкзкн вѣжнн 134 об, вѣздравжнннма 175 об., 176 об.; оскрзкнхз 195 об.;

3) рефлекс с пропуском редуцированного: нсплннса 95 об., 11. В древнерусском языке плавные не были слоговыми, однако начиная с рубежа XI–XII вв. в рукописях получают достаточно широкое распространение написания с пропуском гласного перед плавным²⁵. Так как в исследуемой рукописи написание с пропуском редуцированного представлено только один раз, его скорее всего следует рассматривать как опisku (ср. не дастъ нспзлнн 96).

Кроме того, в Троицком сборнике есть примеры с вокализованным редуцированным перед плавным: поскоркн 174, сзрдокола|стко 176,

²⁵ См.: Колесов В.В. Историческая фонетика русского языка. – М.: Высшая школа, 1980. – С. 105.

исполненни 177, въскормнаа кста 177 об., мнло|сердѣ 180 об., 200; колхъжѣ (ср. въдхъжѣ) 188; сътеренъжѣ 197 об., долготарпн|шн 199, соудолжаннкомъ 202, подавляющее большинство из которых отмечено у писца, работавшего над лл. 170,9–185,14 и 197–202 об. (почерк № 5 второй части).

*а: дѣла ѡвѣ боудотѣ 2, ѡкнста 10 об., ѡкнтасѣ 30, ѡкленнѣ 97 (исключения: неже| ѡбаманнѣ авн езерѣ 140 и все случаи употребления личного местоимения 1 л. ед.ч. азъ в ИП);

*ју: оуже спсн 199; оунотамъ 64 об., отъ оунотн 199 об., оутрѣ 179 (исключения: юже нзбавн 95, юнънѣ 108).

В рукописи представлено значительное число примеров сохранения редуцированных в сильной (крѣкѣ 33, пѣсѣ 82; ѡлѣколюкѣца 20 об.; ѡзѣжѣмѣ 1 об.) и слабой позиции (пѣсн 4 об.; предѣ токою гн 199 об.; съткорнхъ 23, подѣлежашѣ 183 об.; младѣнѣцн 180, грѣшаннкомъ и др.).

Случаи прояснения сильных редуцированных в корне и суффиксе, в том числе и вставочных (пѣкѣлѣ 2, 30 об.), немногочисленны и большая часть из них представлена у писца № 5 второй части рукописи: плѣтѣ 183, къскресѣ 183 об., съ скѣю плѣтнѣ 183 об., кранѣ плѣтѣска|нѣ 199 об.; крокѣннѣ 72, крокѣ 184, крокнѣ 200 (в корне); телѣцѣ 179 (в суффиксе) и др. У этого писца отмечено также значительное количество написаний с гласным полного образования на месте редуцированного (помощеннѣ 170 об., прѣрѣскоу 171, коннѣстѣкѣ нѣсѣнѣ 199 об. и др.), часть из которых можно объяснить тенденцией к выравниванию основы в пределах парадигмы (например, оукрѣ|сѣцѣмѣ 202). В окончаниях ТП ед.ч. существительных мужского и среднего рода преимущественно *ѡ-, *јѡ- и *s-основ наблюдается значительное число написаний с о и ѣ на месте ѣ или ѡ: лнцѣмѣ 19, подкнгомѣ 24 об., срѣдцѣмѣ 25, тѣломѣ 47 об., прѣк|дѣ соуднѣмѣ 48 об., съ стѣрахомѣ 95, гнѣкомѣ 174, слѣкомѣ 175 и др. (большая часть примеров у писца № 5).

В процесс взаимной мены ѡ-ѡ и ѡ-ѡ оказываются включены не только исконные редуцированные (ѡдннѣго 6 об., ѡетѣцннхъсѣ 110, рѣхъмѣ 131 об., слѣкѣсѣнѣ 150), но и вставочные (кѣзо огнѣ 28 об.).

Троицкий сборник демонстрирует уникальный случай развития вставочного гласного ѡ на стыке приставки на -с и корня на согласный (късѣкѣлѣкнѣмѣ 9 об.) и достаточно редкий случай развития вставки между корнем и суффиксом: не погѣкѣнѣ|тѣ 129 об.

Таким образом, в рукописи представлены такие следствия падения редуцированных, как:

1) вокализация редуцированных в сильной позиции (къскресѣнѣ^{тѣ} 183 об. (в корне), крѣннѣстѣцѣ 180 об. (в суффиксе));

2) употребление гласных полного образования на месте слабых редуцированных гласных вследствие развития тенденции к выравниванию основы в пределах парадигмы (оукрѣ|сѣцѣмѣ 202);

3) пропуск слабых редуцированных (оуѣноуѣти 4 (в корне), стѣкорнша 4 об. (в приставке), кѣсѣхѣннѣн 12, грѣхѣннѣомѣ 63 об. (в суффиксе));

4) чередование с «нулем» звука (ѡтѣ зѣлѣ 127 – зѣло 2; сѣнѣ 19 – кѣ снѣ 202 (в корне); дѣлѣжѣнѣ тѣе кѣхѣ 195 об. – дѣлѣжнѣ кѣмѣ 134 об. (в суффиксе));

5) ассимиляция по глухости–звонкости (рошѣшю 53), ассимиляция по твердости–мягкости (ѡ мнѣсѣаго поѣ 50, радѣ|мѣ 62 об.; нѣсѣ| цѣрѣкѣ 44 об., нѣдѣ нѣмѣ 81 об.).

В фонетической системе Троицкого сборника XII–XIII вв. нашли отражение процессы, получившие свое последовательное развитие в дальнейшем: это переход н в х после приставки-предлога на согласный и корня на гласный и переход [е] в [о] после ц. В рукописи случаи перехода н в х отражены у трех писцов, большая часть написаний принадлежит писцу № 5 второй части сборника: нѣ хѣстоѣаго 12, нѣзнѣтѣ н кѣзѣхѣграѣтѣсѣ 105 об., радѣжѣшнѣсѣ 174, кѣ|зѣдн 176, кѣнѣдѣ 182 об., нѣжѣ|дѣ 183, кѣзѣдѣ 183 об., нѣ нѣхѣнн 199 об., кѣзѣсѣка 200, нѣ кѣнѣдн 200. Исключение составляет следующий случай – кѣзѣхѣраѣща кѣ породѣ 179 об., где переход представлен в корне. Данное написание может быть интерпретировано двояко: либо как следствие аналогического воздействия со стороны образований с приставкой-предлогом на з и корня на н, либо как отражение произношения писца. Но независимо от этого данный пример является наиболее ранним в древнерусской письменности. Переход [е] в [о] после ц, отмеченный в ДП мн. ч. субстантивного склонения (по нѣзѣшю чѣрнѣ|цѣомѣ 95), может быть обусловлен как фонетическими, так и морфологическими факторами.

Обнаружены новые яркие примеры диссимилятивного развития [о] и [у] после шипящих в формах ДП ед. ч. причастий и субстантивов: кѣздѣрѣжаѣщѣомѣсѣ 65 об., тѣлѣкоуѣщѣомѣ 79, хѣтѣнѣщѣомѣ 91,16; радѣгѣраѣщѣомѣсѣ 91,17; моѣнѣщѣомѣсѣ 99, соуѣщѣомѣ 100, гѣнѣщѣомѣ 104, коѣнѣщѣомѣсѣ 105 об., сѣ|кѣлѣчѣщѣомѣсѣ 110, ѡѣщѣомѣ 117 (всего 14 случаев); сѣпадѣшѣоѣ|мѣомѣ 81 об., ѡѣкѣщѣакѣ|шѣомѣ 119 об. (2 случая).

Таким образом, фонетическая система Троицкого сборника демонстрирует приверженность древнерусской литературной норме с вкраплениями архаичных элементов предшествующей эпохи и элементов живой языковой стихии.

В пятой главе **«Морфологические и морфосинтаксические особенности рукописи»** главное внимание уделено отражению архаичных и инновационных явлений в рукописи Тр. 12. Так как исследуемая рукопись принадлежит к числу нелокализованных, особое значение приобретают морфологические формы, которые могут трактоваться как диалектные.

С одной стороны, Троицкий сборник как памятник церковно-книжный демонстрирует приверженность традиции, что проявляется в сохранении старославянских форм личного местоимения 1 лица ед.ч. (исключительно

азъ), архаичных форм склонения членных прилагательных, причастий и субстантиватов, разветвленной системы глагольных времен и т.п.

Рукопись представляет особый интерес в плане изучения членных форм прилагательных, причастий и субстантиватов, так как в ней значительном количестве сохранились архаичные формы склонения, переходные от местоименного к адъективному типу, которые в некоторых случаях оказывали влияние и на формы субстантивного склонения, и на глагольные «распевные» формы настоящего времени 1 лица мн.ч. с основой на шипящий (оу|сѣхшннмѣ не вѣдѣ касѣ 21, потѣ|щннмѣсѣ 22 об., потѣщннмѣсѣ сѣ|сѣхшнмн 23, да сѣвѣршннмѣ 25 об., нскоупннмѣ дѣшю сѣю 26, да потѣщннмѣсѣ ѿсѣлѣ 26), формально сближавшей с причастиями, субстантиватами и прилагательными с основой на шипящий в ДП мн.ч. и ТП ед.ч.: не даа ннщннмѣ 2 об., межу продающннмѣ н коупоу|щннмѣ 3, нетроужашннмѣсѣ 3 об. и мн. др. Наличие подобных форм свидетельствует о древности Троицкого сборника.

В Троицком сборнике нашли отражение все глагольные времена и наклонения. Отметим наиболее архаичные и редкие формы, являющиеся характерной чертой церковно-книжных памятников:

- 1) употребление «хомового» аориста: сѣмѣтѣхѣсѣ 198;
- 2) две разновидности плюсквамперфекта: нже на|вѣклѣн вѣдахѣоу 84 об. и о кпѣне не вѣхѣ|лн теке поставнѣлѣ 201;
- 3) будущее II: нже боудѣтѣ сѣвѣралѣ| многѣ лѣтѣхѣ 70 об.;
- 4) употребление супина: вѣлазѣшн вѣ црѣкѣ молнтѣсѣ 16 об.; не прѣде прнзѣкатѣ 163 об.; прншлѣлѣ нсн прѣже времеѣ моуѣнтѣ насѣ 190 об.; прншлѣлѣ нскатѣ н спѣстѣ погѣхѣшаго 198.

С другой стороны, Троицкий сборник, являясь памятником древнерусского литературного языка, отражает восточнославянские тенденции развития языка, предпосылки для которых были заложены в предшествующий период:

- 1) развитие процесса унификации в системе субстантивного склонения, который в наибольшей степени затронул существительные мужского и среднего рода (например, *ѣ- по *ѣ-склонению: горѣ мнроу 133 об., сѣноу же сѣноуѣстѣко 182 об. (ДП ед.ч.); *ѣ- по *ѣ-склонению: бѣн 27 об. (ДП ед.ч.), оудѣке 160 об. (ИП мн.ч.), попокѣ не ѣтѣоутѣ 32 об. (РП мн.ч.); *јѣ- по *і-склонению и по мягкой разновидности *ѣ-склонения: сѣ моужамн 2 (ТП мн.ч.) и моужекн томоу 33 (ДП ед.ч.); *ѣ- по *s-склонению: дѣлесѣ каша 97, ѣрѣкесемѣ 89; *s- по *ѣ-склонению: ѣлѣѣесѣкомоу тѣлоу • божду слокоу 184; вѣ сло|кесѣхѣ 185 об. (с флексией *ѣ-основ));

- 2) развитие категории одушевленности у существительных мужского рода в ед.ч. (знаю бо тѣ клѣко па|стоуѣа добраго 82 ВП ед.ч.=РП, но вѣсѣдѣ же на конѣ 201 ВП ед.ч.=ИП), и как следствие – аналогическое воздействие Р–ВП и И–ВП в ед.ч., способствовавшее появлению грамматических

показателей одушевленности у реально неодушевленных предметов, понятий или явлений (наказати языка 159 об. – наказѣмъ наша языка 166 об.) и во мн.ч. (ѹада послушанте роднѣла своихъ <...> рабн послушанте господни сконхъ. мужн любнѣ женѣ каша 2 об. ВП мн.ч.=РП);

3) отражение межпадежного взаимодействия в системе личных и возвратного местоимений (ср. ѿ себе 27 об. РП (исконная форма) – къ себе 26 ДП (новая форма), къ текѣ 78 ДП (исконная форма) – не кѣмъ текѣ 96 об. РП (новая форма));

4) развитие восточнославянских инноваций в глагольной системе в формах изъявительного и сослагательного наклонения, часть из которых имеет праславянские корни:

а) формы настоящего (или простого будущего) времени в 1 л. мн.ч. на -мъ: мужнмн| есмъ 20 об.; прѣдѣ|станемъ 19; слѣшнмъ²⁶ 22 об. (нѣ аще н знаемъ нѣ не можемъ вѣщати. пла|ющнхъсѧ ннѣ слѣшнмъ. нѣ не можемъ нхъ| оувѣщати 22 об.), доврѣнмъ ^{подкнгома} подкннѣмъ|сѧ 176 об.;

б) формы 3 л. ед. и мн.ч. без показателя -тъ: кто сн соу 33, аще лн не пошѣ 52 об., аще н неса па|доу 199 об. Формы без -тъ считаются диалектной чертой южнорусских говоров²⁷, однако употребляются и в памятниках северо-восточных, в частности, в ростовском Житии Нифонта²⁸;

в) имперфект с наращением: не можахъ|тъ рещи 34, бл҃гословѣхъ|тъ ѿ гл҃ше 190 об.

Сослагательное наклонение в исследуемом памятнике демонстрирует инновации, проявляющиеся в нарушении согласования между подлежащим и сказуемым: да бѣша бѣлѣ намъ слѣзѣ| хлѣбѣ днѣ н ношѣ . н да бѣ²⁹ намъ на слакоу ношѣ .| постелею нашу свою оумакали . ѿ ѿчстнѣнѣ| сквѣрнѣ 115 об., что может свидетельствовать о начале процесса разрушения сложной системы в образовании сослагательного наклонения;

5) развитие процессов вытеснения и замены супина инфинитивом: шадѣ| раскопѣти стѹю| кодоу тоу 39 об., прѣдетѣ же пакѣ сѧ слакою .| соудѣти жнѣнмъ н мѣртѣнмъ 183 об.;

б) развитие процесса формирования категории деепричастия: например, дре|ко желѣзно. нмѣющѣ ѿрасли н вѣткнѣ| желѣзно 32 об., глава вѣзлежаще 40 об.;

7) единичные случаи замены дв.ч. множественным (например, прнѣстннко|мъ гл҃ше . къ пошн вѣздежѣте роукѣ каша 94).

В Троицком сборнике представлены глагольные образования, которые могут считаться диалектными и присущими северным говорам:

²⁶ В публикации сборника отражена форма, не соответствующая представленной в рукописи, но соответствующая корректным написаниям: слѣшнмъ [Полата кѣнигописная 1988: 22 v].

²⁷ См.: Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. – Изд. 2-е, перераб. – М., 2004. – С. 152.

²⁸ См.: Пономаренко Т.О. Языковые особенности Жития Нифонта 1222 г.: Автореф. дисс. – Казань, 2009. – С. 13.

²⁹ 3 л. ед.ч. вместо 1 л. мн.ч.

- 1) аорист с метатезой энклитики и окончания (красѣнѣхъсѣ 184 об.);
- 2) беззевый перфект (покрѣи ѣси отъ зѣла 200), который является одним из самых ранних примеров в древнерусской письменности³⁰.

Кроме того, в рукописи употреблены собственно древнерусские морфологические формы:

- 1) формы личного местоимения **тѣ** в ДП (тѣбѣ 153, кѣ| тѣбѣ 200 об.) и возвратного местоимения в ДП (грѣхъ собѣ прѣнѣмѣ 29, самѣ собѣ 144, кѣ собѣ 166) и МП (кѣ собѣ 144 об.);
- 2) форма глагола 2 лица ед.ч. настоящего времени на **-шѣ**: кѣжншѣ 105;
- 3) форма именного действительного причастия наст. вр.: рако^таюуѣ 4;
- 4) форма инфинитива на **-ѹн**: некрѣ^тѹн 192 об.

В **Заключении** представлены основные результаты исследования.

Если судить по сохранившимся заголовкам, то в Троицком сборнике XII–XIII вв. зафиксированы переводные произведения преимущественно дидактического характера, приписываемые наиболее почитаемым в христианском мире авторам: Иоанну Златоусту, Ефрему Сирину, Антиоху черноризцу и мн.др. Наличие в рукописи лексики восточнославянского происхождения может свидетельствовать о том, что элементы некоторых текстов были созданы или переведены непосредственно в Древней Руси. Большую часть сборника занимает Пролог Антиоха, демонстрирующий ряд отличий по сравнению со своим предполагаемым антиграфом – Пандектами Антиоха XI в., что делает вероятным существование еще одного антиграфа у исследуемого апографа.

Троицкий сборник демонстрирует сохранение архаичных элементов в графике, некоторые из которых подверглись трансформации – случаи употребления юса малого с правой йотацией – **м** (юс малый йотированный оборотный), орфографии, фонетике и морфологии, что позволяет его датировать по крайней мере концом XII в. Однако нельзя исключать, что употребление архаичных форм является следствием не только возможного влияния антиграфов, но и почтенного возраста писцов и их приверженности правописной практике более раннего периода.

Совокупность палеографических, графико-орфографических, фонетических, лексических и морфологических особенностей рукописи позволяет видеть в ней памятник северо-восточного, ростовского, происхождения, так как в сборнике нашли отражение 1) начерки, отмеченные ранее исследователями в памятниках ростовского происхождения; 2) принцип завершения строки согласным, в т.ч. с нарушением принципа послогового переноса, свойственный ростовскому Житию Нифонта; 3) лексика северной диалектной приуроченности; 4) морфологические явления, ранее фиксировавшиеся исключительно в деловых памятниках новгородского происхождения.

---

³⁰ Первые редкие примеры беззевого перфекта А.А. Зализняк отмечает в новгородских берестяных грамотах XIII–XIV вв. См. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. – М., 1995. – С. 125.

Рукопись создавалась двумя группами писцов, которые отличаются друг от друга особенностями начертания графем, оформления текста на листе и орфографическими принципами, которыми писцы руководствовались. Большинство архаичных написаний и форм и все южнорусские диалектные написания отмечены у писцов второй части рукописи. Писец № 5 выделяется на фоне остальных не только небрежным беглым почерком, но и особенностью передачи редуцированных в корнях, суффиксах и флексиях в сильной и слабой позиции через гласные полного образования, в том числе в группах типа *tȃrt. Распределение собственно древнерусских фонетических и грамматических форм в Троицком сборнике неравномерно. Так, почти все случаи первого и второго полногласия отмечены у писцов первой части рукописи, перехода *н* в *ѣ* и *ѣ* в *о* — у писцов второй части, тогда как морфологические инновации разного характера представлены в обеих частях примерно в равных соотношениях.

Таким образом, комплексное, многоаспектное изучение Троицкого сборника XII–XIII вв. позволило обнаружить в нем уникальные явления для раннедревнерусской письменности (графические средства обозначения фонемы <a> в позиции после согласного, вставочный гласный *а*), для периода конца XII – начала XIII в. (длинные ряды дублетных графем для обозначения фонемы <u> и фонемы <a>), наиболее ранние примеры употребления монографа *у* на месте диграфа *оу*, диссимилятивного развития [o] и [u] после шипящих, перехода *н* в *ѣ* и *ѣ* в *о*, примеры «распевных», в том числе гиперкорректных форм глагола в 1 л. мн.ч. наст. вр., один из наиболее ранних примеров употребления безэлевого перфекта в книжном памятнике новгородского происхождения и мн. др.

Основные результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Паймина О.С. Троицкий сборник XII–XIII вв. как лингвистический источник // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2011. – Т. 153, кн. 6. – С. 42-49. (0,5 п.л.)

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

2. Паймина О.С. О структурно-семантических параллелях в христианских и языческих текстах (на примере Троицкого сборника XII–XIII вв. и старорусских заговоров) // Языковая семантика и образ мира: материалы Междунар. научн. конф. (Казань, 20-22 мая 2008 г.): в 2 ч. / Казан.

гос. ун-т, филол. фак-т.; отв. ред. Э.А. Балалыкина. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – Ч. 1. – С.250-252. (0,2 п.л.)

3. Паймина О.С. О некоторых сложностях работы с древними рукописными текстами (на примере Троицкого сборника XII–XIII вв.) // Современные информационные технологии и письменное наследие: от древних текстов к электронным библиотекам [Текст]: материалы Междунар. науч. конф. (Казань, 26-30 августа 2008 г.) / отв. ред. В.Д. Соловьев, В.А. Баранов. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – С. 222-225. (0,21 п.л.)

4. Паймина О.С. Палеография и графика Троицкого сборника XII–XIII вв. // Русская и сопоставительная филология. – Казань, 2009. – С. 44-48. (0,36 п.л.)

5. Паймина О.С. К вопросу о графемном статусе оборотных йотированных гласных в древнерусской письменности // IV Международные Бодуэновские чтения (Казань, 25-28 сентября 2009 г.): труды и материалы. В 2 т. / Казан. гос. ун-т, под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. – Т. 2: Морфемика, словообразование, грамматика. История языка и диалектология. Лингводидактика. Литературоведение и фольклористика. – С. 163-165. (0,2 п.л.)

6. Паймина О.С. Приставки-предлоги и приставки на -з/-с в древнерусских памятниках XII–XIII вв. // Слово и текст: коммуникативный, лингвокультурный и исторический аспекты. Материалы междунар. науч. конф. – Ростов н/Д: НМЦ «Логос», 2009. – С. 48-50. (0,2 п.л.)

7. Паймина О.С. Диалектные фонетические особенности как средство локализации памятника (на материале Троицкого сборника XII–XIII вв. (РГБ, Тр. 12)) [Электронная публикация]. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2010/24-1-1.pdf (дата обращения 10.10.2011). (0,2 п.л.)

8. Паймина О.С. Троицкий сборник XII–XIII вв. как источник, представляющий интерес для богословских и светских наук (лингвистический аспект) // Православный собеседник: Альманах Казанской духовной семинарии. – 2010. – Вып. 2 (20). – С. 50-55. (0,36 п.л.)

9. Паймина О.С. Судьба редуцированных гласных в древнерусском языке на рубеже XII–XIII вв. (на материале Троицкого сборника XII–XIII вв. (РГБ, Тр. 12, 202 л.)) // История русского языка и культурная память народа: Материалы XXXIX Междунар. филол. конф. (Санкт-Петербург, 15-20 марта 2010 г.) / Отв. ред. О.А. Черепанова. – СПб., 2010. – С. 71-77. (0,38 п.л.)

10. Паймина О.С. Церковнославянские и собственно древнерусские языковые черты в Троицком сборнике XII–XIII вв. (РГБ, Тр. 12, 202 л.) // Современная славистика и научное наследие С.Б. Бернштейна: Сборник статей. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2011. – С. 297-298. (0,2 п.л.)

11. Паймина О.С. Реализация категории наклонения в Троицком сборнике XII–XIII вв. (РГБ, Тр. 12, 202 л.) // История русского языка и культурная память народа: Материалы секции XL Междунар. филол. конф. (Санкт-Петербург, 14-19 марта 2011 г.) / Отв. ред. О.А. Черепанова. – СПб., 2011. – С. 87-94. (0,37 п.л.)